ГЛАВА 5. Я тоже могу смотреть в ее глаза

Была ли больна Мария? Это казалось действительностью, но Габриэль знала, что происходит. Не болезнь, а крайняя необходимость вынуждала Марию остаться в Дуке еще на пару дней.

В ту ночь, когда появилась Слеза Богов, Мария упала в обморок. Дни строгой молитвы истощили ее. Окружающая среда в Дуке утомила ее, как и господина Дрика. Помимо приема пищи и сна Мария проводила основную часть времени за молитвой, и это ее измучило. Неудивительно, что внезапная передышка после сильнейшего напряжения вызвала у нее напряженную дремоту.

У Марии было две служанки: одна выполняла черную работу, вторая проводила время возле нее. Прошедшие два дня и у них вызвали недомогание. Возможно, и они не могли больше оставаться в этом неудобном месте после долго прохождения через пустыню. Господин Дрик прислал несколько девушек и рабынь для присмотра за Марией, но Габриэль решила, что они не могли прислуживать непосредственно Любимице.

Габриэль сказала Дрику: «Если ты считаешь, что Мария станет Любимицей после получения Слезы Богов, ты уже обязан относиться к ней как к Любимицей уже сегодня».

Храм Исиды имел в своем распоряжении огромное количество сельскохозяйственных угодий и рабынь, но Любимица Богов находилась за пределами светского мира. Она не могла пользоваться вещами, подаренными рабынями, следовательно, рабыни не могли и служить ей. Она не могла общаться со взрослыми мужчинами. Пищу и одежду ей не могли приносить замужние женщины. Таким образом, рабыни, присланные господином Дриком, совсем не подходили.

Господин Дрик много думал, но он этого не учел. Честно говоря, подобная мера не относилась к его беспечности. Только после официальной церемонии в Храме Исиды утвержденная кандидатка становится Любимицей. А Габриэль просила относиться к Марии уже как к признанной Любимицей Богов заранее, возможно, потому, что она не желала потерпеть фиаско после того, как Мария получила Слезу Богов.

Очень хорошо: жрецы Храма Исиды признали Марию Любимицей Богов.

На самом деле Мария не болела. Задача Габриэль – защищать ее, от болезни или от врагов, не имеет значения. Когда Мария очнулась после долгой ночи, глубокого сна, Габриэль исцелила ее с помощью Молитвенной Магии. Это позволило Габриэль перевести Марию через пустыню.

У Габриэль были и другие дела. Она ничего не сказала Роду Дрику, но она обучала Марию основам магии Храма Исиды (Испытание Богов). Любимице Богов недостаточно владеть Слезой Богов. Мария должна была пробудить божественную силу. Прекрасно, что Габриэль решила преподать ей урок.

Обучение было чрезвычайно сложной, но Слеза Богов могла значительно облегчить его. Вот почему Слеза Богов была настолько бесценной. Только после пробуждения магической силы и прохождения Испытания Богов она доказывала, что способна использовать Слезу Богов и благословлять людей.

С тех пор как Мария завладела Слезой Богов, если бы она могла пробудить свою силу до прибытия в Храм Исиды в Мемфисе, она, бесспорно, стала бы настоящей Любимицей Богов. Но если она не пройдет испытание за короткое время, то у нее появятся новые неприятности. Габриэль совершила с Марией долгое путешествие в Дук. Она стала свидетельницей рождения

Слезы Богов и благочестия Марии. Она глубоко верила, что Мария должна стать Любимицей. И поэтому она не могла не помочь ей пройти испытание.

Боги не протестовали. Когда Мария достигла Храма, жрецы преподали бы ей ту же самую магию шаг за шагом и оценивать ее достижения согласно расписанию. Габриэль только ускорила процесс в качестве бонуса.

Только об одном беспокоился господин Дрик – не собираются ли жрецы храма помешать ей стать Любимицей, не обучив ее настоящей магии, или же они попросту замедляют процесс обучения. Он задумывался, должен ли он будет заплатить общественную дань или дать взятку. Габриэль на самом деле решила этот вопрос, но ничего ему не сказал. Остальное зависит только от Марии.

Вспоминая, через что им пришлось пройти прежде чем завладеть Слезой Богов, Габриэль искренне поверила, что их благословила Исида. Она почувствовала с Марией некое родство, подарившее ей желание защищать ее.

Магия, которой Габриэль обучала Марию, был особенной молитвой. Но она требовала сильного сосредоточения, веры и спокойствия. Особый ритуал должен пробудить силу, данную богами, призванную подтвердить успешность испытания.

«Каким будет испытание?» - спрашивала Мария.

Габриэль улыбнулась ей: «Молись Слезе Богов так, как я тебя научила. Скоро боги подарят тебе силу, и глубоко в твоей душе пробудится желание. Ты должна научиться противостоянию до того, как оно не получит влияние над сердцем и верой. Это испытание – начало пути в дворец магии. Твое сердце – чистое благочестивое. Для тебя будет несложно пройти испытание. Ты знаешь, как должна вести себя Любимица Богов, мне больше нечего добавить.

Мария заколебалась и спросила: «Разве мне не нужно ждать, когда мы придем в храм и пройдем церемонию до того как я выдержу испытание? Если вдруг я сделаю это здесь и сейчас, разве не будет мой поступок совершен против божьей воли?»

Габриэль покачала головой: «Ты не поступаешь против божьей воли. Испытание Богов могут выдержать все. Если не пройдешь его, ты не получишь благословления богов. Но я знаю – ты сможешь». Заметив неуверенность в глазах Марии, она добавила: «Я могу рассказать тебе обо всем, что сегодня случилось в этом городе».

Она рассказала ей о споре, разыгравшемся на площади. И завершила так: «Я думаю, господин Аристотель имеет собственное мнение. Воля божья – всего лишь предпосылка. Пройденное испытание означает божье одобрение, с тех пор как ты – кандидат на звание Любимицы, и уже получила Слезу Богов».

Мария задумалась, прищурив красивые глаза. Наконец, она кивнула и ответила: «Да, ты права. Тебе лучше знать законы Храма Исиды. И я тебя не разочарую».

Габриэль снова покачала головой: «Не меня. Ты не разочаруешь нашу богиню, великую мать Исиду».

Мария внезапно кое-что осознала и спросила: «Ты меня сопровождаешь с самого утра. Как ты можешь слышать каждое слово, оброненное людьми по другую сторону города, в то время как я не слышу ничего? Это сила богов?»

Габриэль заулыбалась: «Силу дала мне наша богиня. Я могла слышать каждое слово, потому что я сосредоточенно слушаю. Как Любимица ты станешь сильнее меня. Я, как воительница, не могу овладеть высшей магией. Но высшей, божественной магией овладеешь ты».

Когда она закончила, раздался голос девушки-служанки с нижнего этажа: «Госпожа Габриэль, господин Аристотель нашел нужного слугу. Он ведет его сюда».

Амон прекрасно осознавал, что Аристотель и Безумный Оль сегодня спасли его. Его не удивляло, что Безумный Оль защитит его. Но этот странный молодой господин был, очевидно, благородным человеком. И почему же он решил помочь незнакомому сыну горняка? Амон очень ценил этого господина и был рад работать на него. Слуга на три дня – не самое грандиозное предприятие, не говоря уже о хорошей награде в один золотой драган в день.

На пути к резиденции Марии Амон отблагодарил Амона за содеянное. Он даже хотел встать на колени и поцеловать почву перед ступнями господина, что могло бы продемонстрировать глубочайшую благодарность. Однако Аристотель остановил его и сказал: «Дитя мое, не нужно так поступать. Ты не мой раб, и я не являюсь ни богом, ни правителем». Затем он взглянул на Амона и спросил: «Тебе интересно, почему я помог тебе?»

«Да, господин».

Аристотель устремил взгляд в пространство и пробормотал: «Я из далекой страны под названием Эллада. Там много, и мне однажды пришлось побывать студентом одной из их Академий. Там, мой учитель некогда изложил цель обучения. Он сказал, знание является добродетелью, а умный человек должен быть добрым».

Амон прищурился и спросил: «Эллада… Вы никогда не слышали об ученом по имени Тэтус?»

Аристотель удивился. «Я слышал о нем в Академии. Он студент Теодора, друга моего учителя. Откуда тебе известно его имя, дитя мое?»

Амон ответил: «Его упомянул один старый житель нашего города. Тот самый, который некоторое время назад говорил с тобой». Амон слышал, как Безумный Оль называл имя Тэтус. Он помнил, что упомянутый ученый заявлял, будто в мире существуют только пять правильных многогранников, а двенадцатигранник является особенным. Эту форму мира создали боги, и она содержит сведения о секретном пятом элементе, а также является символом и источником таинственных сил.

Амон думал, что это бред старого пьяницы. Тот человек существует. Значит, слова Безумного Оля должны быть правдой.

Интерес Аристотеля к мальчику только возрастал, пока они оба приближались к югу города. Он спросил: «Мы разговаривали о законах святыни. Вам известно что-нибудь о воле божества? Почему богиня, оставившая закон святыни, именуется покровительницей вашего города?»

Почему Бог – это Бог, а святыня – святыня? Никто в городе о таких вопросах не задумывался. Амон не ответил. Он только с уважением отозвался: «Пожалуйста, господин, просветите меня».

Аристотель улыбнулся: Ну, я сам не могу дать точного ответа. Я только хочу обсудить это с тобой. Законы святыни, говорят, оставляет покровитель города, потому что он защищал его жителей. Драгоценные камни, добываемые здесь, очень ценные, а техника передается из поколения в поколение. Что было сделано для того, чтобы люди не пали жертвой собственной

жадности, не заставляли несовершеннолетних детей и женщин выполнять тяжелую работу? Если же молодые должны были расти здоровыми, а женщины – воспитывать детей в мире и согласии, так кто, в свою очередь, должен был защищать целую сферу?»

Внезапно в сознании Амона забрезжил свет. Его как будто осенило, и он сказал: «Законы святыни. Они запрещали несовершеннолетним детям обучаться технике, а женщинам – выполнять эту работу».

Аристотель кивнул: «Вот почему Богиня именуется покровительницей города. Не имеет значения, как законы святыни возникли в истории, люди в них нуждаются. Дитя мое, если ты в будущем станешь жрецом, ты будешь обязан защищать законы святыни, но также и владеть совершенными знаниями об истории их возникновения и воли божьей. Не уподобляйся жрецу, с которым мы имели дело на площади».

Он немного задумался после сказанного, затем улыбнулся и повернулся к Амону. «Такова воля святыни: дети до шестнадцати лет не могут обучиться ремеслу Дука. Но, говоря твоим языком, слово «могут» означает также «способны» и «им разрешено». Теперь ты понимаешь? Вот почему жрец не мог сегодня со мной поспорить. Но ты обязан знать данный нюанс, иначе тебя поставят в тупик, как и многих других».

Остаток пути Амон провел в размышлениях, которые не заняли слишком много времени. Скоро они подошли к вилле, где проживала Мария.

***

«Он - мужчина». – Габриэль сообщила Аристотелю недовольным тоном, как только взглянула на Амона.

Аристотель заулыбался: «Он пока только мальчик. Ему нужны ваши указания. Как вы уже знаете, моя госпожа, слишком сложно найти человека в этом городе без пыли на голове и грязи под ногтями. Он – единственный, кого я отыскал. И я должен сообщить вам, что он тот самый горняк, который добыл Слез Богов. Разве может Исида благословить человека с нечистым сердцем, нашедшего Слезу Богов?

«Ах, - тон Габриэль изменился, - Я слышала о споре и знаю, кого вы мне привели. Драгоценный камень, извлеченный мальчишкой, едва не привел его к наказанию».

«Это так… Но он может остаться?»

Амон поднял голову и посмотрел на Габриэль. Он обнаружил, что воительница уставилась в его лицо пронзительным взглядом. Их глаза встретились, и Амон не мог не опустить взгляд. Эта девушка красива. Она самая красивая девушка, которую Амону приходилось видеть. Но Амон почувствовал разливающуюся ауру от ее прямой осанки, подобную невидимой распускающейся силе. То, что он увидел с первого взгляда, было не красотой, а величественностью.

«Амон, можешь остаться. Работа простая. Ты будешь выполнять ежедневные поручения госпожи Марии. Хм, пусть ты ребенок, но ты должен соблюдать осторожность – не прикасайся к госпоже Марии, когда ты передаешь ей вещи. Ты должен уходить в молчании, когда госпожа Мария приводит себя в порядок и отдыхает… И, самое важное, никому не рассказывай о том, что ты здесь видел, ни слова. Иначе ты будешь наказан. Следуй за служанкой и переоденься».

Габриэль произнесла имя Амона, хотя сегодня был первый день и встречи. Хотя Амон все еще

мальчик, Габриэль отдавала ему еще более строгие приказы, чем в Святыне. Она предупредила его на прикасаться к Марии, иначе он будет наказан. Но она не сказала ему, каким будет наказание. А наверху, Мария слышала весь диалог.

Габриэль позвала служанку увести Амона, чтобы тот переоделся, после запугивания. Одежда Амона была чистой, но поношенной. В этом скрывалась еще одна причина, почему Габриэль нуждалась в человеке, служившем Марии. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь знал об обучении магии Марии. Жители Дука ничего не знали о магии в отличие от слуг Рода Дрика. Для жителя Дука предоставлялось невозможным выдать тайну.

***

Амон думал, что Габриэль – самая красивая девушка, какую ему только приходилось видеть, но немедленно изменил свое мнение, когда впервые увидел Марию. Когда взгляд Амона упал на нее, он восхищался ею из глубины сердца, и подтвердил, что она должна быть самой красивой девушкой в этом мире. Ошеломленный, он бессознательно поприветствовал ее и сказал: «Любезная госпожа Мария. Я ваш слуга, Амон».

Мария была примерно такого же возраста, что и Амон, может, и на год-два старше. Она была практически одного с ним роста. Но Амон должен называть ее госпожой Марией. От ее волос цвета лесного ореха исходил приятный янтарный блеск, а в карих глазах скрывался голубоватый проблеск подобной звезде, разгорающейся в глубокой ночи, или мерцанию морской воды.

«Должно быть, ты тот, кто извлек Слезу Богов. Спасибо Исиде за благословление, благодарю вас». Глаза Марии нежно и миролюбиво задержались на глазах Амона, пока она говорила. Она старалась сохранять спокойствие и безмятежность, но ей с трудом удавалось скрыть крупицы любопытства.

Амон нервничал, по привычке опускал голову. Ее лицо, а глаза в особенности, было идеальным. Казалось, что их можно увидеть только в снах. Лицо Амона покраснело. В Дуке никогда не было такой девушки. Почему она всегда смотрит мне в глаза? Она ведь девочка моего возраста. Я тоже могу смотреть в ее глаза.

Работа Амона была легкой. Он делал все, в чем нуждалась Мария – приносил еду, напитки и так далее. Он приносил их в гостиную на первом этаже, затем ждал, когда Мария ими воспользуется, затем все убирал и отдавал другим слугам. Например, он доставлял Марии пищу. Мария много не ела, примерно треть того, что ел Амон. Но Амону приходилось готовить не только еду.

Амон должен был мыть руки перед тем, как подавать серебряную посуду на маленький столик. Затем он резал пищу на надлежащие куски, клал ножи и ложки по правую сторону. Он ставил маленький серебряный кувшин, чашку с водой и блюдечки с солью и специями по обе стороны стола, после продвигал стол перед Марией, и ел бесшумно, не проливая молоко или суп на тарелку.

Стол с пищей был очень тяжелым. Тащить его на первый этаж и беззвучно ставить – нелегко для четырнадцатилетнего мальчика. Но с тех пор как Амон взялся за молот для добычи драгоценных камней, для него подобная работа не казалась испытанием.

Во время приема пищи Мария производила легкий шум. Столовая посуда шумела редко. На самом деле это являлось признаком воспитанности Марии. Со своей стороны, Амон кланялся, когда она заканчивала есть, отодвигал стол и приносил ей воду и полотенце для умывания.

Потом он выходил и ждал, когда Мария закончит умываться. Наконец, входил и уносил все вещи, ожидая на ступеньках следующего вызова.

Находясь в Храме Исиды, Мария могла себе позволить много служанок, но в Дуке все поручения должен был выполнять только Амон.

Большую часть времени Амон проводил с Марией во время приема пищи. Рожденный и воспитанный в Дуке, Амон никогда не видел такую аккуратную девушку, как Мария. Возможно, и неправильно называть ее «аккуратной». Правильное слово – «чистый». Амон не мог беседовать с ней до тех пор, пока она сама его не спрашивала. Во время приема пищи, сделав глоток воды или молока, Мария задавала ему несколько вопросов, иногда про Дук, иногда о добыче драгоценных камней. Ей было это интересно.

Амон подробно ей отвечал. Он обнаружил, что у Марии иногда была привычка смотреть ему в глаза во время беседы. Ее губы расплывались в едва заметной мягкой легкой улыбке. От нее Амону становилось неловко. Его сердце неистово билось, и он не знал, куда деть собственные руки.

Она так красива. Мне хочется на нее смотреть. Но почему я боюсь? Ее глаза не внушают страх. Но почему я боюсь? Амон был разочарован.

Но Амон не знал, что Мария не поступала так нарочно. Она так поступала, потому что этому приему ее обучила Габриэль. Она ей объясняла магию:

«Госпожа Мария, ты проста и чиста. Такими качествами должна обладать Любимица Богов. Но ты очень молода, они тебе придадут немного смиренности. Как Любимица Богов, ты защищаешь величие Матери Исиды. Так, ты не должна демонстрировать людям робость. С тех пор ты должна сформировать одну привычку – смотреть людям в глаза во время беседы».

«Ты должна относиться к людям любезно, но не позволяй им думать о том, что ты дрожишь или хитришь. Ты должна относиться к ним как богиня, присматривающая над миром. Будь то правитель или раб, к ним надо относиться одинаково. Вот так должна поступать Любимица Богов. Никто не должен высокомерно на тебя смотреть. Твои глаза передают великую милость Исиды».

Но Мария ни на ком не могла испытать магию. Самой легкой целью был Амон. Бедный Амон не осознавал и продолжал находиться под присутствием Марии. Амон не знал, кто такая Мария. Даже если бы ему и рассказали, он не знал, что представляет собой звание Любимицы Богов. Он знал только, что Мария была благородной девушкой. Он называл ее госпожой Марией и не мог ее обидеть.

Не будет ли обидой смотреть на красивую девушку, смотреть ей прямо в глаза? Ни Безумный Оль, ни пьяный отец никогда ему об этом не рассказывали. Нет, не может быть. Сначала она на меня смотрит! Амон чувствовал себя неловко из-за своего неуклюжего поведения, особенно при неистовом сердцебиении. Какой ужас!

К счастью, больше никаких вопросов не возникло. Работа была очень легкой. Однако, в первую ночь произошло неприятное событие.

Амон спал под лестницей глубоким сном. Во сне он видел, как Мария смотрела на него, он энергично отвечал взаимностью. Это напоминало ему ощущения после купания в ледяной воде Леса Древесного Угля – отдых возле родника.

Вдруг Амон услышал крик. Крик не был очень громким, сдавленным, но страх был ощутим. Он доносился из комнаты Марии. Амон вскочил, но его сознание оставалось туманным ото сна. Вскочив на ноги, он ударился о ступеньки лестницы.

Амон не заботился о боли. Он выскочил из-за ступенек, перескочил через перила на лестницу и устремился на первый этаж. Он пересек гостиную и очутился у двери в спальню Марии.

http://tl.rulate.ru/book/2659/55072